

Борису Николаевичу Садовскому 18 мая 2017 года исполнилось бы 80 лет. Круглая дата – всегда повод для воспоминаний, восхвалений и т.п. О вкладе Бориса Николаевича в науку, в развитие факультета и о прочих его заслугах охотнее и лучше меня скажут другие, я же поделюсь собственными «частными» воспоминаниями о нем.

Начну с удивительного факта. Как правило, преподавателей за глаза редко называют по имени-отчеству. Даже воронежских корифеев – М.А. Красносельского и С.Г.Крейна – называли Марк и Селим. Но никто и никогда (кроме тех, кто был с ним «на ты») не называл Садовского Борей – если не Борисом Николаевичем, то БН. Так и буду его называть далее.

Впервые я увидел БН в феврале 1964 года: он начал вести у первокурсников практические занятия по общей алгебре. Вошел высокий, поджарый, уже тогда почти седой («соль с перцем»), загорелый мужчина – ему было неполных 27, но выглядел он уже тогда матерым («круто», как сейчас бы сказали). За последующие полвека шевелюра лишилась «перца» и несколько поредела – и все, мне кажется, он почти не менялся.

Я был одним из двух первых его учеников, причем по началу – учеником «косвенным»: моим научным руководителем и формально, и фактически был Марк Александрович Красносельский, однако участие в семинаре БН, общение с ним, знакомство с его кандидатской диссертацией – все это оказало на меня сильное влияние, причем породило даже подражание стилистике, организации материала. На титульном листе моей диссертации научными руководителями названы М.А.Красносельский и Б.Н.Садовский – и это справедливо.

Сильное воспоминание – о том, как БН работал: возник и остался в памяти образ жерновов, на твоих глазах перемалывающих задачу и выдающих результат. Это впечатляет не меньше, чем вспышка-озарение.

На курсе поступивших в 1967 году возникла довольно обширная группа учеников БН. Почти все эти студенты были мне хорошо знакомы: в спецклассе 58-й школы, откуда они вышли, я год вел семинар по решению нестандартных задач. Разница в возрасте была незначительной, и мы были в приятельских отношениях. Образовалась неформальная команда учеников БН, в которой он был старшим товарищем.

В команде были свои традиции. Одна из них – сентябрьский «семинар»: в первых числах сентября собирались на квартире БН, ели-пили, много смеялись и пели. Если погода позволяла, проходил этот «семинар» на открытом воздухе – на огромной террасе (за столом помещалось человек пятнадцать). День рождения БН превращался в «национальный праздник» и отмечался там же и так же. Как правило, к этому дню появлялись пионы, и пионы также были частью традиции. Естественно, БН с Маргаритой Алексеевной были приглашаемы к нам на свадьбы и дни рождения.

Все это ничуть не мешало активной основной деятельности: все защитили одну-две диссертации, некоторые сделали и административные карьеры.

Со временем команда распалась: кто-то уехал из Воронежа, кто-то «повзрослел и перерос». Сентябрьские встречи прекратились, но визиты на день рождения БН для «непереросших» остались неизменными.

* * *

«Дурные привычки» имели место быть.

Зачастую мы вместе уходили из университета, и часть дороги домой у нас была общей. Проходим мимо гастронома, слышу: «Дома-то нету горилки». БН мог, и мог много, оставаясь в форме.

До определенного возраста много курил. Курил красиво, изящно гасил спичку легким круговым движением.

Потом прихватило сердце, причем всерьез, и от дурных привычек пришлось отказываться.

* * *

Был безусловно, бескомпромиссно порядочным человеком. На свежееобразованном факультете ПММ ему, еще не доктору, предложили кафедру. Он ставит условие: на кафедру должны взять его учеников – Володю Бондаренко и меня. Ему объясняют, что он выбрал негодных попутчиков. Он отказывается от кафедры. Заведующим кафедрой (правда, не той, а кафедрой, созданной М.А.Красносельским) он стал через двадцать лет после этой истории.

И.С. Иохвидов (его не стало много раньше) называл БН совестью факультета – может быть, громко сказано, но не без оснований.

* * *

БН была интересна не только наука, но и преподавание. Стремление к совершенствованию учебного процесса породило проект «Линейный план». В основе – идея погружения в предмет: параллельное изучение в течение года нескольких математических дисциплин заменяется их последовательным прохождением, каждой – в существенно сжатые сроки. Благодаря энергии и авторитету БН проект в пилотном варианте стартовал, мучительно продолжался несколько лет и стоил ему немалых нервов.

Совсем другое дело – инициированный и руководимый БН проект «пяtilетка в четыре года»: в гимназии имени Н.Г.Басова к трем старшим классам был добавлен четвертый, школьная программа была совмещена с университетской, и по окончании двенадцатого класса ребята становились студентами третьего курса матфака. По просьбе БН я вел в таких классах курс программирования, а потом видел этих ребят в университете и могу с уверенностью утверждать, что результаты этого проекта были замечательными.

* * *

Многие годы БН занимался еще одним «внеаучным» проектом – историей факультета. Он был одним из инициаторов и организаторов совершенно изумительного мероприятия – отмечаю полувек юбилея нашей кафедры. Вспоминаю эту встречу с безграничной теплотой и огромной благодарностью ему.

* * *

Я проработал вместе с БН или рядом с ним на одной кафедре, по общей хоздоговорной тематике вплоть до моего окончательного расставания с университетом в 2001 году. После этого мы виделись, пожалуй, раз в году, в его день рождения, а еще у нас была традиция: мы подолгу разговаривали по телефону перед самым Новым Годом, вечером 31 декабря. Он как-то в таком разговоре сказал: мы видимся редко, но сознание, что ты есть, делает жизнь легче. Я абсолютно искренне ответил ему тем же. Его уход оказался для меня тяжелой потерей – большей, чем я мог себе представить...

Виктор Матусович Герштейн